

Николай Морозов.

Семь дней
РЕВОЛЮЦІИ!
событія
в Москвѣ.

ГИЧБ
М 786 Р

ДНЕВНИК Огевидца.
1917г.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ГН46 р
М 786

~~сод~~
~~RR-05~~

325217

47.277 325217
39

27-е Февраля, Понедѣльник.

Пріѣхал в Москву, сижу на вокзалѣ, рядом садится старик лѣтъ семидесяти из зажиточных. После минутнаго молчанія—спрашивает меня: что в Москвѣ то, кажется тихо? Вы относительно—чего,—спрашиваю я—недоумѣвая.

Да относительно революціи? Ничего еще не зная, заинтересовываюсь. А что развѣ—есть гдѣ, что либо?

Да как же, в Петроградѣ—я только что оттуда?

Что же там?

Бог знает, что творится, махнул рукой старичек!..

А, напримѣр?..

Народ бунтуется, требует смѣну власти.

Правительственной?..

Да и правительственной, и всякой.. Стрѣляют, безобразничают!.. Да со мной, вот какой случай: остановился я на Невском, а нужно мнѣ было, на Офицерскую, выхожу, нанимаю извозчика, сажусь, ѣду, проѣхал квартала два, вдруг, какой то хулиган лошадь под узцы, кричит стой!.. Возница остановился, тогда он обращается ко мнѣ «слѣзай—барин, плати деньги и иди пѣшком» слѣз, заплатил, а извознику он говорит: ты пошел домой, да смотри не выѣзжай, а то плохо будет возжи пережем, а тебѣ выпитися!.. Извозчик ударил по лошади—уѣхал, а я пошел пѣшком!..

А трамвай?..

Трамвай давно уже не ходит. Вот что, дѣлается то...

И все это безнаказанно?

Да что уж теперь сдѣлаешь, когда говорят войска передались на сторону—народа,—опять махнул безнадежно рукой старичек смотря куда то в сторону...

Мнѣ наняли извозчика, раскланявшись я уѣхал заинтересованный! В Москвѣ тихо! Не чувствуется ничего такого. Остановился в Меблированных комнатах, с усталости—улегся спать....

28-го Февраля, Вторник.

Утром мнѣ надо было поѣхать по дѣлу. Выхожу, ожидаю на остановкѣ трамвая, но напрасно, трамваи остановились и не ходят. Хочу взять извозчика, но они уже учли положеніе и просят внятеро..

Пришлось идти пѣшком. На улицѣ тихо. Только какая то напряженность—даже в воздухѣ, какая то тишь, особая молчаливость!..

Затаенности!..

Домой возвращаться пришлось вечером в 8-м часу. Подхожу к Спасским казармам, на Садовой ул. близъ Сухаревой башни,—екнуло и упало сердце!..

Против казарм огромная толпа народа, тысяч в десять!.. И вся эта громада, волнуется, журчит, как ручей, слышится выкрики мальчишек! Ур-а-а!..

В чем дѣло? Спрашиваю...

Народ, зовет солдат!..

Куда?

С собой, просит примкнуть к Революціи...

Как к Революціи?

Да вы, что, только что проснулись чтоли, или дурака валяете?..

Уже недружелюбно обратился один ко мнѣ. Тут только я понял, почему утром не было газет, почему не ходят трамваи. Дѣло разгоралось не на шутку. Стоял долго ожидая результата, но напрасно! А кругом разговор: небось под замками, солдаты то, что молчат!..

Мороз основательный, очень прозяб и пошел дальше.

Тут же не далеко вновь выстроенный дом «Великан» в котором говорят расквартировано солдат до пяти тысяч человѣкъ..

Тут тоже толпа не меньше и тѣже желанія народа!

Вдруг кто то закричал: ура! Толпа подхватила и как бы вздохнула этими тремя буквами!..

В этот вечер—фонари не горѣли, на улицѣ тьма, а дом весь мерцал освѣщенными окнами, находящіеся внутри солдаты, прильнули, лбами к стеclam окон—но, безмолвны?..

С большим трудом пробрался сквозь толпу—и пришел домой взволнованный, с вопросом в воображеніи, что то будет завтра?..

1-го Марта, Среда.

Утром встал послал за газетой—нѣтъ газет Наскоро выпив чаю, поспѣшил на улицу.

Вездѣ народ—как будто какое великое торжество, вся Москва—на улицах!..

От Красных ворот, по Мясницкой дошел до Почтамта. Тут какое то сосредоточеніе народа. Тихонько пробравшись поближе я завернул направо по направленію Тургеневской читальни, здѣсь стоит порядочное количество солдат с надѣтыми штыками на ружьях но, спокойно стоят и обзирают кругом расположившуюся публику. Стоят вольно, нѣкоторые разговаривают с отдѣльными лицами из народа.

Народ на лѣстницѣ—почтамта, народ на выступах домов, на тумбах, на плечах друг друга, на столбах и даже на вывѣсках!.. По Мясницкой—мимо Почтамта—сплошное море голов—на все пространство как в состояніи окинуть глаз...

Вдруг —сразу сильное движеніе, народ заволновался, издалека слышится: ура!.. Все ближе и ближе!.. Толпа толпы посредиѣ разступается, виден автомобиль грузовик, а в нем солдаты, студенты и штатскія, ѣдут потрясая—ружьями и пашками. Впереди рабочій высоко поднял за древку красный большой флаг, на котором написано: Долой старое правительство!

Да здравствует—Новое!..

Толпа ревет: Ура!..

За первым автомобилем, второй, третій и т. д.

Первый автомобиль подѣхав к входу почтамта, остановился, живо из него всѣ повывскакали и в Почтамт, из второго тоже из третьяго тоже.

Четвертый проѣхав немного остановился в гущѣ толпы, всѣ из него повывлезли остался только один студент техник, не смотря на порядочный холод, фуражка у него на затылкѣ, он разгорячен..

Тошарищи!.. В Петроградѣ сметено старое правительство! Власть перешла к вашим представителям, членам Государственной думы!..

Верх на нашей сторонѣ, товарищи!.. Да здравствует новое привитель-ство, Ура!..

Кончает с пафосом, с подъемом..

Толпа вопит: Ура!.. Долгое и несмолкаемое.

Вдет еще автомобиль—также наполненный солдатами, студентами курсистками, гимназистами и вообще молодежью. У них тоже флаг, на нем четыре буквы О. С. Д. П. т.-е. организація социал демократи-ческой партіи!.. Всѣ вооружены..

Подъѣзжает с провожающими криками толпы—Ура!..

Товарищи!.. Арсенал сдался!.. Арсенал наш.. Ура!..

Народ кричит: Ура!..

В это время на подъѣзд Почтамта—выходят два молодых воен-ных, и один пожилой—слышится: тише, тише!..

Толпа затихает..

Господа!.. Почтамт сдался, все в наших руках!.. Вездѣ разстав-лены наши часовые!..

Всѣ кричат—Ура!.. Всѣ задвигались, смѣшались, нѣкоторые стали влѣзать в автомобили..

А теперь еще за товарищами солдатами „к Спасским Казар-мам“ к дому „Великану“!.. Кричит кто то с автомобиля, автомобили дви-нулись—народ с криками: ура—за ними!..

Когда выѣхали на Садовую, справа от „Красных ворот“ несутся звуки музыки,—какого то „бравурнаго марша“ на солнцѣ—на горкѣ, море штыков блестит переливаясь. Впереди два солдата с растяну-тым на ружьях красным полотнищем—аршин шесть в длину и аршина полтора в ширину, без всякой надписи!..

За ними оркестр и рот пять шесть солдат с ружьями на плечах со средоточенно серьезными лицами, сопровождаемые народом!..

Встрѣтили их конечно, восторженными криками: Ура!.. Долго, долго, несмолкаемыми!..

Задрожав от холода и волненія, я с попутным автомобилем доб-рался домой..

Пообѣдав и одѣвшись еще потеплѣй, выйдя, я направился к Покровским казармам!..

И здѣсь огромная толпа и автомобили со студентами, солдатами и штатскими—уговаривающими солдат присоединится!..

Многіе из солдат, в 4-м часу, присоединились и повскакали в автомобили!..

Прапорщик было обратился к солдатам с протестом, и напоми-наніем о «присягѣ» но на него закричали, замахали, оружіем и он убѣжал в казармы. В толпѣ разговор: что арестовали командующаго войсками Мрозовскаго, градоначальника Шебеко, и полицмейстера. Между тѣмъ ряды рабочих с солдатами заняли зданіе „городской думы“, образовался—временный комитет и вышло первое возваніе от социал демократической партіи (прокламація) в котором народ призывался к единенію и строгой организаціи, а также приглашался к зданію город-ской думы на завтра второго марта, к 11 часам утра, с тѣм что бы представители их, т.-е. народа, высказали свои пожеланія!..

Объявили, что всѣ будут о ходѣ событій—оповѣщаться бюллетен-ями!.. И тут же вышел—бюллетень № 1-й.

В нем всѣ извѣщались, что царю послано предсѣдателем Госу-дарственной Думы Родзянко, одна за другой, двѣ телеграммы а) Полю-женіе серьезное. В столицѣ анархія. Правительство парализован. Транспорт продовольствія и топлива пришел в полное разстройство. Растет общее—недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрѣльба. Части войск стрѣляют друг в друга, Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся довѣріем страны, составить новое пра-

вительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю Бога, чтобы часть ответственности не пала на «вѣнценосца».

б) „Положение ухудшается. Надо принять немедленно мѣры, ибо завтра будет уже поздно. Настал послѣдній час, когда рѣшается судьба родины и династии“.

Родзянко— протелеграфировал всѣм главнокомандующим фронтами, вышеприведенныя телеграммы, снабдив их просьбой поддержать, со своей стороны, перед Царем,—его обращеніе..

Отвѣтныя телеграммы гласят: Генерала Брусилова..

„Телеграмму получил. Свой долг перед родиной и Царем исполню“, Генерала Рузскаго..

„Телеграмму получил. Порученіе исполню. Сообщалось. еще—о том, что в Петроградѣ выходили к народу из Таврическаго дворца и говорили, вожаки социал—демократіи, члены Госуд. Думы: Керенскій, Чхеидзе и Соболев..

Что Петроград в руках представителей народа и в руках революціонеров, что присоединились пять полков: Волынскій, Преображенскій, Литовскій, Кексгольмскій и Сиперный—полки...

От Покровских казарм, я прошел, к Яузкому мосту и наткнулся на инцидент. Толпа рабочих спѣшила к думѣ, но им преградили дорогу через мост—цѣпь из городских во главѣ с околоточным надзирателем, тут же стояли и солдаты под ружьем...

Толпа желая пройти напирала, городовые не пускали, околоточный кипитился, и кричал, приказывал солдатам даже—стрѣлять...

Солдаты стрѣлять не стали.. тогда околоточный бросился к одному из солдат и стал вырывать ружье, конечно солдат не дал. В запальчивости околоточный выхватил револьвер выстрѣлил, ранив одаого из рабочих, моментально получилась свалка, клубок живых тѣл—ничего разобрать было нельзя. шум, выкрики: бей его! Бросай в воду. Вот так.. Опять выстрѣл.. Крики—силыѣе уже азартно...

Солдаты стоят, не принимая никакого активнаго участія..

Затѣм—наступила тишина, городовые поразбѣжались.

Кто то крикнул: а теперь айда ребята.. И всѣ пошли молча дальше..

Когда всѣ ушли, я подошел к этому мѣсту, снѣг покрыт пятнами крови.. Через перила моста, вниз в Яузу, смотря солдаты переговариваясь..

Подошел и я к перилам, оно в крови..

Оказывается, убили и сбросили с моста, в воду, под мостом незамершую. Кто говорит одного околоточнаго, а кто и еще одного городского, т.е. двоих.. Сам же, я не мог никак разглядѣть в этой свалкѣ—ничего положительнаго. Они ушли не так далеко, и я бросился—их догонять, и с этой толпой пришли на Красную площадь, на эту историческую площадь, на которой не раз рѣшалась судьба Россіи до Петровскаго времени...

Народу видимо—невидимо, как говорится и все это море голов толкует, судит, волнуется, движется и колыхнется...

Нашей толпѣ дают дорогу, встрѣчая криками Ура.. Голоса—сливаются и мы проходим мимо историческаго музея, направляясь к Думѣ. Памятник „Минина и Пожарскаго“ увѣнчанъ нѣсколькими красными флагами..

В думѣ засѣдает „временный комитет“—кругом солдаты с ружьями, с красными лентами и бантами на сѣрых шинелях.. Здѣсь народу столько—сколько вмѣстило пространство.

Тут же стоят пушки, с направленными жерлами в разныя стороны.

То и дѣло привозят и привозят арестованных: приставов, околоточных, жандармов, и городских, послѣдніе большею частью в штатском—переодѣтые...

Между ними, охранники и сыщики..

Проходим с большим трудом двигаясь дальше..

Навстрѣчу дефилируют отряды войск, теперь уже с начальниками, т.е. не как вначалѣ, или одни, или только с прапорщиками—нѣтъ... Теперь и капитаны и подполковники, и полковники впереди, а на ружьях у солдат красныя ленточки, на фуражках кокарды обвернуты красной матеріей...

Их радостно встрѣчают и провожают криками, ура...

Нѣтъ полиціи, нѣтъ старших чинов ея, порядок же образцовый...

Даже мимо снуют автомобили, звук от их разнородных рожков висит в воздухѣ, почти не умолкая...

Прѣзжаютъ прѣстны развальни—наполненные разношерстной публикой.. Тут и рабочій, тут и мужик, рядом возсѣдают—барин или барыня—в дорогом и модном барашковом сакѣ и в шляпѣ с пером, подобрав ноги ѣдет улыбаясь...

Все как то смѣшалось, как бы породнилось и всюду—молодежь и дѣтвора пискливо—заявляют о своем присутствіи—своими выкриками..

На стѣнах домов расклѣена—телеграмма от предсѣдателя Государственной Думы М. В. Родзянко, Московскому городскому головѣ М. В. Челнокову такогого содержанія:

Старого—правительства не существует, Министръ внутренних дѣлъ арестован. Власть временно принята комитетом Государственной Думы, под моим предсѣдательством. Войска признали новую власть. Возстановлен порядок в городѣ. Предложилъ Мрозовскому подчиниться, возложивъ всю отвѣтственность за возможное кровопролитіе на его голову. Родзянко.

Так как толпа с которой я шел, направились к Лубянской площади, т.е. по обратному пути—гдѣ для меня уже не представлялось интереса, то я и свернулъ налѣво к Манежу, с расчетомъ посмотрѣть, что дѣлается в Замоскворѣчьи, в этом тихом купеческом мѣстѣ?..

Навстрѣчу и по направленію как я шел, конечно масса народу..

Выходя на набережную рѣки Москвы, к Б. Каменному мосту, мнѣ послышался выстрѣлъ.. я прибавилъ шагу, второй—я побѣжал..

Выбѣгаю на набережную—на мосту, форменная баталія.. И свалка..

Драка происход между воинскими частями..

Слышатся сухіе выстрѣлы.. Шум.. Гам..

Народ бѣжит в разныя стороны, пугливо озираясь на мост..

Мимо просвистала пуля—ничего не понимая и видя, что можно погибнуть задаром—я постарался отдалиться от мѣста баталіи т.е. от моста..

Вскорѣ все стихло. Солдаты как то соединились, получилась общая группа...

Немного времени потолковавъ и помахавъ руками—кого то окруживъ повели по направленію к Городской думѣ. Двоих понесли... Третьяго повели...

Оказалось, что встрѣтились двѣ партіи воинскихъ частей; части уже примкнувшія к новому строю и части еще—вѣрно держащіяся своей присягѣ..

По уходѣ солдат—я осмотрѣвъ кровь на снѣгу, до невозможности устав, отправился домой...

По дорогѣ—всюду, та же картина... Разнообразіе внес громкій звонокъ пожарныхъ—которые явились к городской думѣ—заявить о своемъ присоединеніи к новому строю и новому правительству...

Доѣхав частью с попутчиками—автомобилями до своего гнѣзда, записав все под свѣжим впечатлѣніем—ляпнулъ в кровать и до 11 часов ночи спал как убитый...

Вскочив в 11 часов я бросился опять на улицу...

У Покровских ворот, на перекресткѣ, стоит милиціонер на плечѣ висит ружье...

Народ кучками.. Ведет разговор.. Вдруг мимо мчится стрѣлой автомобиль и направо и налево бросает бѣлые листки...

Мнѣ не досталось, прочесть непришлось, поговаривали потом в кучках, что это воззваніе стараго правительства, послѣднія корчи их, как выразился один из рабочих...

Немного спустя другой автомобиль разбрасывал воззваніе от временнаго—исполнительнаго комитета, таковаго содержанія...

Старая власть пала.

Государственная Дума, повинувшись своему долгу перед народом и внимая его требованіям, взяла в свои руки власть для установленія новаго государственнаго и общественнаго порядка на началах свободы и справедливости.

Перед Москвой стала задача установить немедленно связь с новой центральной властью и организовать народное правленіе в Москвѣ.

28-го февраля был образован комитет из представителей московскаго городского общественнаго управленія, губернскаго и уѣзднаго земствъ, всероссійских: городского и земскагосоюзов, военнопromышленнаго комитета, кооперативов, биржевых и других общественных организаций, а также и представителей совѣта рабочих депутатов.

1-го Марта из состава этаго комитета выдѣлен путем выборов—временный исполнительный комитет, московских общественных организаций в составѣ 15-ти лиц.

Этот комитет взял власть в свои руки, пока новое правительство неорганизуется, новой постоянной власти всѣ распоряженія комитета подлежат безусловному исполненію всѣми учрежденіями и лицами.

Населеніе г. Москвы приглашается поддерживать полный порядок и хранить спокойствіе.

Время час ночи, прокричали послѣдній раз—ура.. проѣхавшему автомобилю с солдатами.. И разбѣлись всѣ по домам..

2-е Марта, Четверг.

Сегодня праздник.. Праздник «Краснаго флага и красной ленточки» Из десяти человек—восемь украшены ею. У кого в петлицѣ, у кого на лѣвой части груди, у кого на плечѣ...

Барышни с шолковыми бантами, кавалеры в красных галстуках..

У нѣкоторых военных и чиновников—кокарды на картузах обвернуты красным, а у дам даже пуговицы на пальто.

Послѣ трехдневнаго перерыва выхода газет—сегодня вышли шесть...

Брали их конечно с боя, продавали по двойной цѣнѣ.

„Русское слово“ вышло с оглавленіем крупно: Паденіе старой власти.

Раннее утро с оглавленіем Исполнительный Комитет Государственной думы и портретами: М. В. Родзянко в вѣнкѣ, кругом двѣнадцать депутатов: П. Н. Милюков, А. Н. Коновалов, Н. С. Чхеидзе, В. А. Ржевскій, Н. В.

А. Ф. Керенскій, В. Н. Львов, И. М. Шидловскій, В. В. Шульгин, Б. А. Энгельхарт, М. А. Караулов.

Утро Россіи с оглавленіем: Да здравствует освобожденная Россія... Да здравствует Народное Представительство... Да здравствует Армія и Флот..

Московский листок с оглавлением: Обновление Россіи...

Газета копѣйка с оглавлением: Да здравствует Армія и свободный народ. И так—Ура.. Великая волна народнаго движенія в знаменательный сей день второго марта, роковыя «Мартовскіе иды» перекатилась через рухнувшую глухую стѣну самодержавнаго строя...

Прочел вновь расклеенную телеграмму: Коммисаром г. Москвы и Московским главноуполномоченным по продовольствію—назначен Государственной Думой, бывший Москов. Город. голова М. В. Челноков, и ему обязаны подчиняться всѣ правительственныя учрежденія г. Москвы. На улицах небывалое и неисчислимое количество народу...

Громадныя очереди у стоянок газетчиков, всѣ с бумажками, со свернутыми газетами в руках, с газетами торчащими из карманов...

И всѣ с необъяснимо встревоженными—чего то ожидающими лицами... Проходят взводы солдат с красными флагами на ружьях... Народ снимает шапки, потрясая в воздухѣ и кричит, Ура...

Проѣзжает ли автомобиль с обязательным красным флагом—тоже самое...

Извозчиков ни единого, оми в народѣ, лошади отдыхают, у них тоже забастовка...

Первое, что во всѣх газетах бросается в глаза—это заголовок крупно:

Судьба династіи.

1 го Марта в четыре часа утра Государь прибыл в Царское Село. Пробыл он там недолго. Государыня в истерекѣ. Наследник болен; температура 39,9.

Государь пріѣхал в Царское Село с генералом Ивановым, который должен был выступить в роли диктатора, как только Государь увидѣл, что всѣми покинут, он тотчас же уѣхал, но был остановлен на ст. Бологое и задержан. Оттуда он будет отвезен в Псков.

Окончательнаго рѣшенія вопроса о судьбѣ династіи и о формѣ правленія пока не принято.

А. И. Гучков проектирует предложить Государю подписать акт об отреченіи.

Передают слова А. И. Гучкова, который на вопрос:

— Если он откажется подписать акт, что тогда дѣлать?

Отвѣтил:

— Божья воля! Волны народнаго гнѣва смоят династію.

Как рѣдкій историческій акт—нахожу нужным помѣстить—здѣсь..

Находясь у Красных ворот, пошел по Мясницкой, меня окрикнули, оказывается знакомый манит и зовет, в его автомобиль, я конечно с радостью!

Вдем шагом, за невозможностью двигаться в толпѣ быстро!

у Почтамта, своротили, и поѣхали по бульварам, ѣхать конечно свободнѣе!

Картины с высоты—из автомобиля, еще грандіознѣе!.. Вдем непрерывно трубя—здѣсь народу меньше—но все таки порядочно!..

Пріятель ѣдет домой, живет он за Московской-рѣкой, зовет к себѣ, но мнѣ это не улыбается, прошу меня завезти подальше—что бы идя оттуда я мог, наблюдать возможно болѣе мѣст!..

У Храма Христа Спасителя, на Набережной—огромнѣйшая толпа, против монумента Александра III.

На колѣнях бронзовой фигуры Александра—стоит выпрямившіе рыжеватый рабочій, в плохеньком пальтишкѣ на распашку и размахивая красным платком или тряпкой—покраснѣв—кричит; товарищи! Отсюда с этого чугуннаго кресла, на вас глядит тяжелый режим—то что перековывало нашу свободу в желѣзныя цѣпи! Проповѣдывало рабство и держало Россію в кандалах!.. Товарищи!..

Удивительное зрѣлище! Говорит мой спутник... Соціал-демократ на колѣнях жесточайшаго абсолютиста!..

Товарищи! Вон ѣдут конные городовые!.. Оборачиваемся—дѣйствительно ѣдут!..

Товарищи! Снимем их с коней, довольно им властвовать над нами. В толпѣ движеніе! Всѣ оборачиваются в ту сторону—куда указывает рукой рабочій!..

Бросаются к городовым—миг и их уже сняли с лошадей и обо-

водят в думу их, в думу! Кричит рабочій..

И их повели!.. Городовые, как овцы и не рискнули защищаться!..

Я не вытерпѣл и выскочив из автомобиля—пошел за ними!..

Подходим к Кремлю, слышится звук пропеллера.. смотрю кверху—аэроплан—пишет восьмерку—показывая выкрашенный в красный цвѣтъ—руль глубины!..

Народ кричит: наш, наш, ура!..

Со всѣх сторон, все прибывают и прибывают войска!

Вот части, прибывшія из Рязани для усмирѣнія и примкнувшія!

Вот артиллерійскій парк с Ходынки, расположился с пушками и зарядными ящиками.

Вечерѣет!..

Сноп прожектора обливает ярким свѣтом купола Кремля.

Молитвенно складывая руки, что то бормочет старый Мулла в чалмѣ.

Москва Самодержавца!

Москва на небывалом положеніи..

Москва неузнаваема!..

Но хочется взойти туда откуда все это таким, гремучим потоком льется. В Городскую Думу, под этот развивающійся красный флаг над входом... Долго я изощрялся, изрядно озяб, но наконец с какой то кучкой депутатов от кого-то, мнѣ удалось втиснуться— в группѣ в двери думы—получив предварительно два хороших толчка в грудь, от студента грузина в огромной папахѣ, который волнуясь, надрываясь до хрипоты, старался никого не пускать, что то кричал—про какой то бой, который, будто бы должен был начаться сейчас!..

Наконец, все таки я в думѣ, прихожую не узнаешь, вездѣ военныя шинели!..

Два солдата с шашками наголо, ведут под руки полицейскаго офицера, не то пристава, не то—помощника. Взираюсь с кучкой вверх по лѣстницѣ и попадаю в „Совѣтъ Рабочих Депутатов“ в третьем этажѣ!..

Стоящій на стулѣ кто то—кричит: Господа! Вот человек которому принадлежит власть в Москвѣ!..

Вот командующій народными войсками, это Грузинов—уполномоченный—по продовольствію!..

Гром рукоплесканій и ура!..

Грузинов отвѣчает: я исполнил свой долг! И кстати докладывает: о взятіи арсенала, об артиллеріи, которая в его распоряженіи, у нас 16 пушек!..

И опять—аплодисменты.

Занят почтампт и телеграф, заняты всѣ вокзалы.

Кишкин (это он стоял на стулѣ, когда я вошел) представляет собранію другого, который начал вчера ночью с тремя ротами—дѣло освобожденія, занял думу и сконцентрировал вокруг ея войска! Это прапорщик Ушаков!.. На стулѣ появляется молодое лицо, которое смущенно кланяется на аплодисменты..

Грузинов говорит: я преклоняюсь перед ним и в знак глубокой благодарности—я попрошу позволенія поцѣловать его..

Публика вопит ура!..

Ну, господа, заниматься, заниматься!.. Пожалуйте полномочия—когда шум поутих—заявил кто-то?!. Я удрал, чтобы не попасть в глупое положеніе и прямо направился к выходу.

Кругом ружья с поблескивающими штыками, даже жутко.

Вышел на площадь, на встрѣчу все ведут и ведут арестованных.

Итак от лица „Временнаго Правительства“ командующим войсками военного Московскаго Округа, назначен подполковник Грузинов.

В народъ раздают новые листки с таковым содержаніем:

Граждане!

Крайне важно скорѣйшее установленіе порядка—только тогда без жертв и колебаній закрѣпится окончательная побѣда народа. Собственно создание и поддержанію порядка.

Подчиняйтесь патрулям.

Во главѣ патрулей стоят постовые начальники с бѣлой повязкой на лѣвой рукѣ.

Каждый час дозорный автомобиль с бѣлым флагом объѣзжает патрули на углах и принимает доклады от постовых начальников.

Результат объѣзда дозорный автомобиль сообщает в бюро.

Постовые начальники мѣняются каждые два часа.

Постовые начальники слѣдят за тѣм. 1) Чтобы патруль стоял в одном пунктѣ под ружьем; 2) чтобы не допускать пьянства; 3) чтобы не допускать стрѣльбы без приказаній; 4) чтобы предупреждать и не допускать грабежа лавок и поджогов.

Народ на Воскресенской площади—против думы, кучками и почти в каждой кучкѣ—говорят рѣчи... Проходит молодой прапорщик, почти в узор—натягается на солдата—стоящаго и слушающаго у кучки оратора, посмотрѣлъ на прапорщика—честь не отдает..

Офицер сдѣлал замѣчаніе..

Солдат, что то отвѣтил—завязался спор...

Солдат снахальничал..

Офицер в азартѣ выхватил шашку и бросился на солдата...

Но толпа слѣдила... миг!.. Шашку у офицера выхватили, изломали в куски и бросили под ворота дома Корзинкина...

Солдата затерли в толпу... а офицер ушел окруженный народом по направленію к Тверской. Вдруг раздались крики мальчишек: „жандармы“, „жандармы“!.. Всѣ бросились в разныя стороны, кто, куда!..

Но потом, конечно оказалось все это, шалостью маленьких хулиганов. Побродив еще немного и слишком утомившись, сѣлъ на попутнаго домового и добрался домой за три гривенника...

Ночью выходил но, интереснаго ничего, не оказалось...

3-е Марта, Пятница.

Сегодня рѣшил осмотрѣть „охранку“ т. е. знаменитое охранное отдѣленіе которое старались сжечь... Говорят, что сами охранники...

По дорогѣ приблизительно та же картина. Снуют автомобили, но уже быстрѣе и с меньшим количеством лиц в них, со строго дѣловым выраженіем на лицѣ. Это продолжают аресты, реквизируют запятанные товары—первой необходимости—главное конечно муку...

Ищут спирт и вино...

Встрѣтилась преинтересная процессія. Масса подвод нагруженных мукой и на возу, на мѣшках сидит старый убѣленный сѣдинами старик в нахлобученной шапкѣ на низко наклоненной головѣ и весь с

головы до ног осыпанный мукой, так что производит впечатлѣніе алебастровой статуи...

Это оказывается нашли спрятанной массу муки на Зацѣпѣ, у какого-то Козлова...

Народ подпускает шуточки...

Он как наѣлся, — наружу вышла. Папаша — а, что теперь скажет мамаша!...

Эх ты старина — не даром посядѣл — это от муки! И т. д.

Раздают листки — возваніе к рабочим...

Рабочіе Москвы!

Возвращайтесь немедленно на ваши заводы. Теперь всё видѣли и знают вашу готовность спасти Родину. Докажите же и арміи вашу заботливость о ней дайте необходимыя ей снаряженіе и продовольствіе. Помните, что враги Арміи и Родины не дремлют.

То и дѣло попадаютъся, теперь уже пѣшком десятки городской милиціи, студенты, взрослые гимназисты, мелькнет и штатскій, по три человѣка в ряд и справа десятый — якобы офицер, всё вооружены ружьями...

На провъздѣ Цвѣтного бульвара в домѣ Лазорека, помѣщается участок, около толпа...

Подхожу, спрашиваю, в чемъ дѣло?..

Полицейскихъ ловятъ!

А сами не сдаются?..

Куда тут... такую стрѣльбу открыли!

Откуда?

Да из участка!

Но вот одного выловили, ведут... На грѣх попал полный.

Толпа реветъ, а-а-а!.. Ура!

Слышатся замѣчанія; ишь какой, какъ боровъ!.. Вот бы к Рождеству то, хоть куда! Ха, ха, ха...

Беру газету — читаю: Заявленіе министровъ о предстоящемъ отреченіи Николая II-го и о назначеніи регентомъ великаго князя Михаила Александровича. Новый совѣтъ министровъ с кн. Г. Е. Львовымъ во главѣ рѣшилъ настаивать на отреченіи Государя Николая II отъ трона.

Государь, поѣздъ котораго задержан и стоитъ на станціи Бологое Николаевской ж. д., изъявилъ согласіе отречься отъ престола.

Новое правительство настаиваетъ, чтобы Государемъ былъ подписанъ офиціальныи — торжественныи актъ объ отреченіи.

Рѣшеніе новаго правительства безповоротно.

Преслѣдуя свою цѣль — осмотръ „охранки“ направляюсь по бульварамъ, в Гябзидниковскій переулокъ — на Тверской...

Тамъ этотъ мрачный с рѣшотками в нижнемъ этажѣ двухъэтажный домъ выходящій фасадомъ в переулокъ...

Какъ говорили утромъ рано ожидался обыскъ.

Пожаръ начался в 6-мъ часу утра...

Когда пріѣхали пожарные, зданіе оказалось запертымъ...

Внутри зданія в нижнемъ этажѣ бушевало пламя...

Валомали двери, пожарные проникли в середину — то горѣло в разныхъ комнатахъ...

Людей в отдѣленіи — никого...

Во время тушенія были звуки взрывовъ, это вѣроятно взрывались ружейныя и револьверныя патроны...

Погорѣло масса документовъ, и также почти весь архивъ...

Конфисковано и взято в думу, масса оружія — находящагося в специальной кладовой — которая была заперта и ее пришлось вламывать...

На улицѣ масса обгорѣлых бумаг, тетрадей, папок, фотографических карточек, навалены обгорѣлые доски, вѣроятно—перегородки...

Мѣдная доска на парадной двери сорвана—и остался один уголок с винтом...

Так разрушилось это вѣковое гнѣздо—охраны...

Вышел на Тверскую, тут раздавали новое воззваніе к гражданам Москвы...

Граждане Москвы!

Слуги стараго правительства не смѣя выступить открыто, исподтишка подстрекают к погромам и грабёжам, дѣйствуя на темныя инстинкты. Переодѣтые жандармы, городовые, шпіоны и сыщики вмѣстѣ с пьяными и хулиганами, прибѣгают к погромам,—старым, испытанным средствам разбитаго самодержавнаго режима.

Граждане! Совѣтъ Рабочих Депутатов обращается к вам с призывом: не допускайте погромов.

Всѣми силами и мѣрами присѣкайте всякую попытку к погромным дѣйствіям.

Арестовывайте погромщиков и доставляйте их в зданіе Город. Думы. Организуйтесь в отряды народной милиціи.

Только успѣлъ дочитать, как услышал восторженные крики. Ура...

Оказывается это ѣдет, новый командующій войсками Грузинов...

Появляется шествіе арестованных конвоированных милиціонерами и солдатами...

Грузинов—обращается с вопросом; неужели вы в такой великій день не поймете, кому вы служили и кому надо служить?!

Мы понимаем—указывая на красные банты, которыми они были украшены—отвѣтили арестованные полицейскіе...

Отпустите их... Распоряжается Грузинов...

Мы боимся! Вопят полицейскіе. Солдаты проводят вас... ради великаго дня—прощай вас... Но смотрите! Погрозил пальцем Грузинов...

Народ провожает опять криками ура!

Опять раздача листов—обращеніе к населенію и солдатам...

Граждане и солдаты!...

Дѣло сдѣлано—переворот совершился. Долг каждаго вернуться к своей работѣ.

Скорѣй по домам и казармам.

Побѣда требует от нас порядка, скопища на улицах мѣшают работѣ. Кто останется в толпѣ,—тот сознательный враг родины...

Подходя к думѣ наткнулся на новую процессію: четыре студента с браунингами и нѣсколько солдат с обнаженными пашками ведут бывшаго Московскаго Градоначальника В. И. Шебеко и его помощника В. И. Назанскаго.

Шебеко держится бодро—очень блѣдный, в военной формѣ но без обычнаго монокля...

Назанскій—улыбается и на вид совершенно спокоен.

В народѣ крики одобренія и насмѣшки...

Забыл написать о монументах:—Пушкину воткнули за обшлаг рукава правой руки и под мышку, два красных флага, а на постаментѣ один флаг с надписью—стерлось не разобрешь, а другой в видѣ широкаго знамени—на котором написано:

Товарищ вѣрь взойдет она
Заря плѣнительнаго очаясь,
Россія воспрянет ото сна,

И на обломках самовластья—
Напишет наши имена...

Пушкин—Чаадаеву.

На постаментъ в вѣнкѣ, стоит горшочек красных тюльпанов—бачка любовно обернута в цвѣтную гофрированную бумагу. Против генерал губернаторскаго дома памятник героя турецкой войны Скобелева...

Он несется на лошади, подняв высоко шпагу... На шпагѣ развивается—привязанный к ней кусок красной матеріи.

Рука правая тоже обвязана, а у солдата в боковой группѣ перевязь красная, в видѣ ленты через грудь...

Принтересный рассказ мнѣ пришлось выслушать в кофейной, куда я зашел со знакомым погрѣться:

Около Бутырской тюрьмы, из Лѣсной улицѣ, стояли два грузовика автомобиля, дожидаясь политических—которых освобождали... Вдруг откуда не возьмись полковник с какими то солдатами, осадил автомобили—отняли оружіе у находящихся в них нижних чинов и милиціонеров, освободили арестованных надзирателей тюрьмы—вооружил их отнятым оружіем и приказал разсѣять солдат и стрѣлять... Завѣдующій грузовиками назвал это провокаторством и заспорил с полковником, тогда полковник выстрѣлил не один раз, ранил завѣдующаго, объявил арестованным и под конвоем отправил его в думу... По выясненіи в думѣ, пріѣхали к тюрьмѣ—полковника с солдатами уже не было, он скрылся...

На Никитской из электро-театра „Уніон“ по проезжающим солдатам и офицерам была открыта беспорядочная стрѣльба... Офицер произвел команду—на изготовку, но... куда стрѣлять...

Проходящая тут же публика бросилась в разныя стороны...

Были раненые, но сколько не знаю, потому сам ушел...

Послѣ оказалось один был убит наповал...

Уже подходя своимъ домой, на углу Доброслободскаго переулка на Садовой кофейная армянина для средняго класса—много их посткрыли послѣднее время и всегда онѣ мнѣ казались подозрительными...

Оказывается тут обыск—народу набирается все больше и больше. Немного погодя, вынесли ящик с бутылками спирта и вывели хозяина—чернаго человѣчка...

Поставили ящик на подволу, посадили на него армяшу и повезли.

Кругом хохот... Свист и насмѣшки... Допродавался... Поднажился...

Пора. По дѣлам вору мука... 24 рубля брал за бутылку...

С нами храбр был—посмотрим как там...

Проводили и стали расходиться...

Пошел и я к себѣ, буквально—инвалид и с чугунной головой...

Такая масса смѣны впечатлѣній, такой калейдоскоп, и все так необычно и ново... Что воспринимающіе центры положительно захлебнулись...

Утро вечера мудренѣе как говорят...

4-е Марта, Суббота.

Сегодня я мало, что смогу написать в этот дневник слишком переутомился за эти дни.

Только к вечеру я передохнул и отправился опять таки пѣшком, извозчики хотя и повыѣхали но, в малом количествѣ и учтя момент и это количество дерут, вдесятеро.

Трамваи все еще не ходят, да и рельсы так затоптаны за это время, что санитарные вагоны красного креста идут тихо, тихо и с ревом... Так тяжело двигаться по затоптанным рельсам...

Первое что бросилось мне в глаза, это новенькая вывесочка на домъ гдѣ помѣщалась яузская часть, над вывеской—бывшей раньше „Яузская часть 1-го уч.“ висит новая чистенькая „Это владѣніе принадлежит Городской управѣ“. Автомобили продолжают снова, — но меньше.

Работа по организаціи движется, работа в г. думѣ кипит.

Многое, ах как много надо сдѣлать многое организовать. Наладить, воскресить, построить на новых началах, так как все почти во многих организаціях уничтожено, умерло—стерло с лица земли. Вездѣ и во всем, новый дух, новое строительство дѣла, и новое вѣніе, новая метла...

Сегодня Москва через газеты получила извѣстіе, что второго Марта в г. Псковѣ, в вагонѣ на станціи, Царь Николай II отрёкся за себя, и за сына. Наслѣдника Алексѣя, от престола...

Привожу текст манифеста цѣликом:

Божію милостію Мы, Николай второй, император всероссійскій, царь польскій, великій князь финляндскій и прочая, и прочая и прочая.

Объявляем всѣм нашим вѣроподданным. В дни великой борьбы с вѣдшим врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новыя тяжкія испытанія, начавшіяся внутреннія народныя волненія грозят бѣдственно отразиться на дальнѣйшем веденіи упорной войны. Судьба Россіи, честь геройской нашей арміи, благо народа, все будущее дорогое нашего отечества требуют доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца, жестокой враг напрягает послѣднія силы, и уже близок час когда доблестная армія наша, совместно со славными союзниками нашими, сможет окончательно сломить врага.

В эти рѣшительные дни в жизни Россіи почли мы долгом совѣсти облегчить народу нашему тѣсное единеніе и сплоченіе всѣх сил народных, для скорѣйшаго достиженія побѣды, и в согласіи с Государственной Думой, признали мы за благо отречься от престола государства руссійскаго и сложить с себя верховную власть.

Не желая разстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наслѣдіе наше— брату нашему великому князю—Михаилу Александровичу, благославляя его на вступленіе на престол государства руссійскаго, заповѣдуем брату нашему править дѣлами государственнымъ в полном и ненарушимом единеніи с представителями народа в законодательных учрежденіях на тѣх началах, кои будут ими установлены, привеся в дом ненарушимую присягу во имя горячо любимой родины.

Призываем всѣх сынов отечества к исполненію своего святого долга перед ним повиновеніем царю в тяжелую минуту всеародныхъ испытаній и помочь ему, вмѣстѣ с представителями народа, вывести государство руссійское на путь побѣды, благоденствія и славы.

Да поможет Господь Бог Россіи.

„Николай“.

Как произошло отреченіе...

В Псков прибыли два члена Госуд. Думы.

В присутствіи генерала Рузскаго, Фредрикса и Нарышкина в вагонѣ за маленьким столиком члены думы разсказали Царю о послѣднихъ событіяхъ в Петроградѣ и посоветовали ему не посылать с фронта эшелонов,—так как это безцѣльно, всѣ войска, приходящія в Петроградъ присоединяются к возставшим.

Я уже отдал распоряженіе, чтобы эшелоны вернулись—сказал Царь... Послѣ минутной паузы Царь тихо спросил:

Что же мнѣ дѣлать?

Огрѣйся от престола, в пользу сына вашего Алексѣя—послѣдовалъ отвѣтъ... Мнѣ было бы очень тяжело разстаться с сыном.

Я отрекись от престола в пользу моего брата Михаила.

Я подпишу отречение за себя и за моего сына, но пусть Михаил, принявъ корону, присягнет конституціи.

Послѣ этого Царю былъ вручен акт об отреченіи...

Царь подписал...

Послѣ полученія манифеста Николая II, Совѣтъ Министровъ в полном составѣ поѣхалъ для переговоровъ к великому князю Михаилу Александровичу... Великій князь отказался вступить на престол до созыва учредительнаго собранія...

Обратился князь и к народу, с такимъ воззваніем:

Тяжкое бремя возложено на меня—волю брата моего, передаваго мнѣ Императорскій всероссійскій престолъ в годину безпримѣрной борьбы и волненій народа.

Одушевленный единою со всѣмъ народомъ мыслью, что выше всего благо родины нашей, принялъ я твердое рѣшеніе в томъ мнѣ случаѣ воспринять верховную власть, если таковая будетъ волею великаго народа нашего. которому и надлежитъ всенародномъ голосованіемъ избрать представителей своихъ в учредительное собраніе, установить образъ—правленія и новые основныя законы—государства руссійскаго.

Посему призывая благословеніе Божіе, прошу всѣхъ граждан державы руссійской подчиниться временному правительству, по почину Госуд. думы возникшему и облеченному всей полнотою власти, впредь до того, какъ созданное в возможно кратчайшій срокъ на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія учредительное собраніе своимъ рѣшеніемъ об образѣ—правленія выразитъ волю народа.

«Михаилъ».

Преоригинальныя картины пришлось мнѣ наблюдать. Начиная смеркаться и многіе приступили к снятію с вывѣсок — привилегій, орлов и царскихъ гербовъ. На лѣстницѣ поставленной к вывѣскѣ, паремь отколачиваетъ и снимаетъ гербъ или что другое, а внизу стоитъ хозяинъ или завѣдывающій, дѣлаетъ указанія, и все это спѣшно и лихорадочно..

Проходящіе рабочіе и хитрованцы—острятъ: по носу то, по носу ему!.. Вон на медалѣ то... дай ему и т. д. А мимо нѣтъ, нѣтъ да проведутъ арестованнаго какого нибудь... Доплелся до гор. думы то и дѣло подъвѣзжаютъ автомобили, народу ужъ совсѣмъ—не такъ много...

То было в Москвѣ мрачно, освѣщенія мало, всѣ уменьшено, а теперь вездѣ масса свѣта, и вездѣ по обыкновенію—свѣтло...

В Москвѣ новая острота: нѣмецъ выдумалъ „606“, а русскій 3 и 3 т. е. три тысячи штрафа или 3 мѣсяца сидѣть...

Но что за время, что за дни...

На порогъ весны,—зацвѣтаетъ весна Русской жизни.

Революція, расправляетъ свои крылья спокойно, прекрасно, какъ парящій в небѣ гигантъ орел...

Есть, что то опыняющее в воздухъ.

Триста лѣтъ человечество было в невидимыхъ оковахъ, было в цѣпяхъ изъ поколѣнія в поколѣніе, и вдругъ они оказались слабой паутиной.

Сколько было пополазовеній, сколько было вдохновителей и раньше но, всѣ они увядали на расцвѣтѣ.

Но вотъ наконецъ насталъ моментъ, вдохновился весь народъ, понатужились и оковы распались, мало того распозлились свободно и тихо, какъ будто такъ и надо...

Вечеромъ ложась спать—узникомъ русскій народъ—утромъ проснулся свободнымъ гражданиномъ, свободной Россіи, великой Россіи, от силъ и богатства которой трепещутъ враги!..

5-го Марта, Воскресенье.

Спѣшу на назначенный смотр и парад войскам на „Красной площади“. Солнечный веселый день, но довольно изрядный мороз.

Революція, русская революція не имѣющая ничего почти общаго ни с одной революціей в мірѣ...

Когда пріѣхал на Красную площадь, казалось, что все населеніе Первопрестольной здѣсь...

Лобное мѣсто, это мѣсто крови, мѣсто казней—сейчас представляет из себя—живой клубок человеческих тѣл...

Всюду гдѣ только можно приткнутся—торчат и висят люди: на деревьях—вдоль Кремлевской стѣны, на водосточных трубах, на столбах трамвая, на фонарных столбах, на карнизах Верхних торговых рядов и Историческаго музея, даже на крышѣ часовни рядом с Никольскими воротами и крышѣ часовни—рядом со Спасскими воротами... Вездѣ народ...

Дѣс флагов и знамен с так недавно запрещенными надписями...

Монумент „Минина и Пожарскаго“ также во флагах...

Поэтическая надпись: „Утро свободы сіяет радостным свѣтом“...

Всюду фотографическіе и кинематографическіе аппараты...

У памятника Минина и Пожарскаго собрались люди, пять дней назад ждавшіе каждый час смерти, а теперь держащіе в своих руках судьбу Первопрестольной Москвы...

Комиссар М. В. Челноков, Градоначальник С. М. Леонтьев, Предсѣдатель Московскаго Исполнительнаго Комитета Н. М. Кишкин, Секретарь его, А. А. Титов, Начальник милиціи А. М. Никитин...

Тут же в отдѣльной группѣ; иностранные консулы.

Военных группа малюсенькая человекъ пять шесть, этого блеска немного...

За то из Бремлевских соборов, через Спасскія ворота, приближается к памятнику крестный ход...

Ярко золотыя праздничныя ризы купаются в солнечных лучах, вот это наружно блестит так, что глаза больно...

Торжественно и радостно гудят колокола, не смотря на поск...

Но, чу!.. Слышится вдалекѣ, Ура! Катится звук, ближе, все ближе.

И наконец ухнуло уж на площади перекатывающіеся с конца в конец, громовое ура...

У памятника появляется верхом на лошади командующій войсками К. Е. Грузинов со своим малочисленным „молодым штабом“...

Начался молебен...

Не смотря на холод—народ обнажает головы...

Многая лѣта и крестный ход пошел обратно...

Еще во время молебна высоко в воздухѣ появляются два аэроплана, один из них, послѣ молебна, спускается, низко, низко и что то бѣлое отрывается от аэроплана и падает в толпу...

Оказывается завернутый в бѣлую бумагу букет красных тюльпанов, перевитый красной лентой с надписью „Да здравствует первый народный главнокомандующій Грузинов“.

Букет передали Е. А. Грузинову и—он не разставался с ним все время парада и держал в лѣвой рукѣ...

Е. А. Грузинов обратился с краткой рѣчью к народу, приблизительно такого содержанія:

Вы видѣли что побѣда на нашей сторонѣ... Возврата к прошлому нѣтъ не может быть и не будет. Побѣда находится в вѣрных руках, и нѣтъ той силы, которая ее вырвала бы. Будьте же спокойны... Вернитес

же к своим обычным занятіям и берите—примѣръ дисциплины у солдат, которые сейчас пройдут перед вами...

Затѣм говорил его помощник Геншта...

Это движеніе не только народное, это—также движеніе арміи.

Теперь пѣли движенія достигнуты. Старой власти больше не существует. Давайте же теперь вмѣстѣ устанавливать порядок. Армія не будет нарушать порядка в народѣ, народ не должен нарушать порядка в арміи...

Команда на караул...

Войска берут на караул...

Грянул оркестр—церемональный марш...

Начали дефилировать войска...

У одного полка, рядом с полковым знаменем—красное знамя с надписью: „В единеніи сила—Армія и Народ“.

Проходят ополченскія дружины, у всѣх зеленныя знамена, у знамен однако необычный вид, на них нашиты красныя полосы, а в словах „За вѣру, Царя и Отечество“ на мѣстѣ среднего слова—или дыра или нашита красная матерія, выходит: „За вѣру и Отечество“.

Но вот, каргине—впервые...

Казачи на своих горбоносых лошадях с пиками, украшенные цвѣтами свободы, дефилируют перед свободным народом...

Ущипайте меня—говорит сосѣд, а то я думаю, что это мнѣ снится...

Вдѣт пушки „народныя пушки“ нѣсколько минут продолжается дефилированіе артилерійской бригады, замыкает шествіе автомобильная рота.

Кишкин с автомобиля кричит: Граждане Москвы...

Вождо народных войск, всенародное спасибо... Ура...

Ура... Перекачивается с одного конца огромной площади на другой... Парад кончен...

Конец дома дома Романовых—кричат разносчики вечерних газет.

И народ стал с разговором расходится расхватывая газеты.

Пошел и Я. А в думу все продолжают приводить с саблями наголо и военных и полицейских и штатских, поговаривали, что это сыщики провокаторы, и подстрекатели на погромы, и заступники монаршей власти...

Происходит подвоз, припрятанных—продуктов: везут мясо, муку, водку, коньяк, разная вина, а водка еще старой заготовки, с казенными печатами...

Слава Богу.. Совѣтъ рабочих рѣшил ликвидировать забастовку...

Говорят—завтра пойдут трамваи и так кажется все пришло уже к желаемому знаменателю... Теперь только слово, за Учредительным Собраніем...

Москва на новых началах...

Москва свободна—от полиціи, жандармеріи, от темных сил.. Вверху призваніе к во—которому вѣрят, довѣряют.

Значит пока, все Слава Богу...

Так неожиданно, тихо, почти безкровно—прошли событія нѣскольких первых дней, Революціи Россійской в Москвѣ...

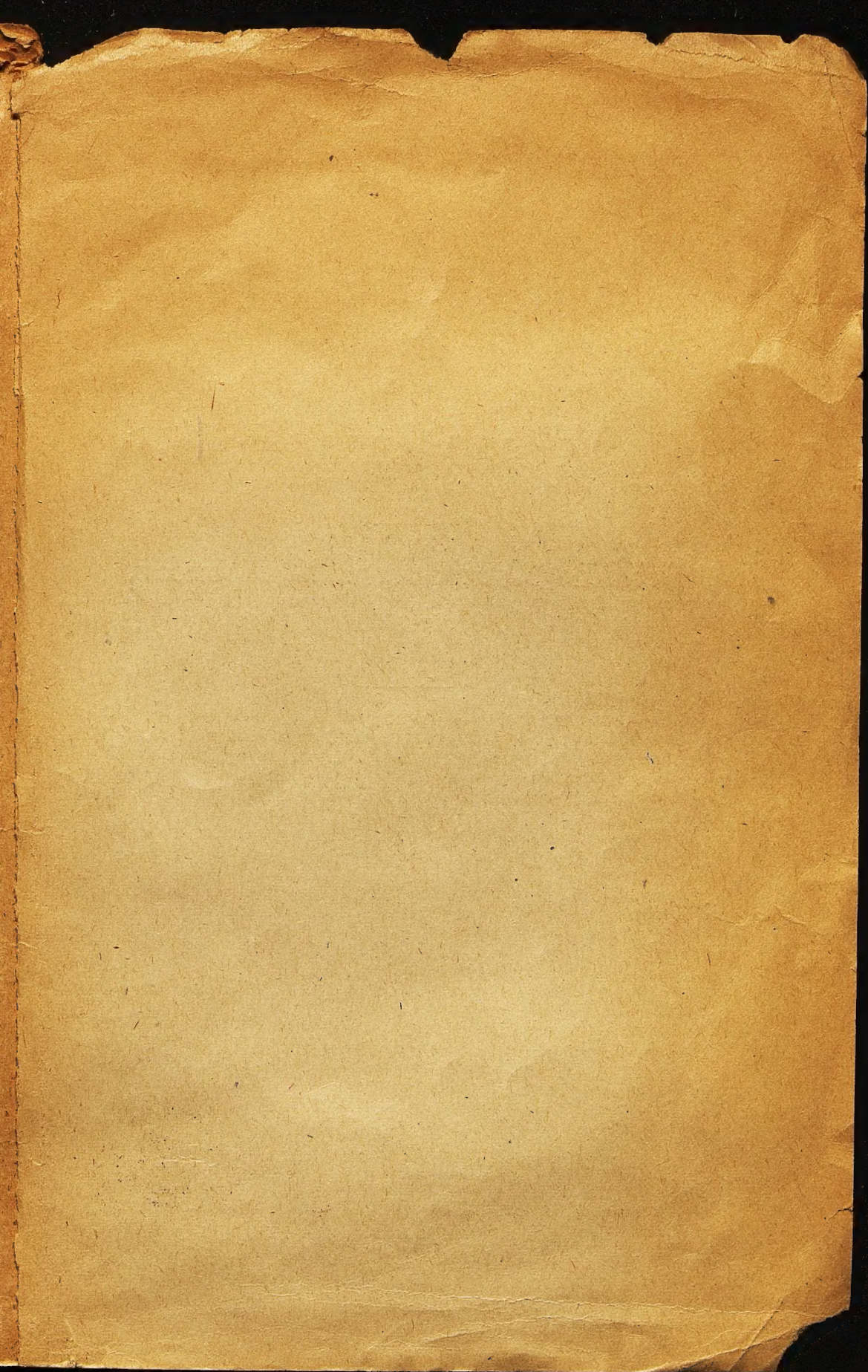
Величайшаго акта в исторіи—славной Россіи...

С нами Бог!!!

Впередъ! За работу для войны и созиданія строя!

СКЛАД ИЗДАНІЯ:

Москва,
Верхняя Масловка, д. 69, Аронсон,
кв. 1, Н. К. Морозов.

Цѣна **40** коп.

МОСКВА

Типографія „ПЕЧАТНЫЙ ТРУДЪ“, Мясницкая 13. Телефонъ 2-36-87.

1917.